

Настройка на тему

Вот этот исходный парадокс — предметность моей деятельности — это предметность меня для меня самого...

Владимир Библер

Ведь, вообще говоря, семиотика — это не более чем один из случаев двойственного рассмотрения чего угодно. В этом смысле мы не знаем другого, более последовательного дуализма. Семиотический дуализм «знак-обозначаемое» — эта глава с зашифрованным названием, в котором зашифрован дуализм предметного человеческого мышления.

Мераб Мамардашвили, Александр Пятигорский

Категория переживания действительного мира-бытия — как бытия — есть категория единственности, переживать предмет — значит иметь его как действительную единственность, но эта единственность предмета и мира предполагает соотношение с моей единственностью. Все общее и смысловое обретает свою тяжесть и нудительность тоже только в соотношении с действительной единственностью.

Михаил Бахтин

Это герменевтический подход. Он начинается с осознания того, что язык неизбежно отсылает за пределы себя самого. Указывая на границы языковой формы выражения. Язык не тождественен тому, что на нем сказано, на совпадает с тем, что обрело в нем слово. Раскрывающийся здесь герменевтический горизонт языка делает явными границы объективации мыслимого и сообщаемого. Языковая форма выражения не просто не точна и не просто нуждается в улучшении — она, как бы удачна ни была, никогда не поспевает за тем, что побуждается ею к жизни. Ибо глубоко внутри речи присутствует скрытый смысл, могущий проявиться лишь как глубинная основа смысла и тут же ускользающий, как только ему придается какая-нибудь форма выраженности.

Ганс Георг Гадамер

Предисловие¹

Болевой точкой, вызывающей напряжение современной философии науки, является традиционная для философии, но обострившаяся для самой науки проблема бытия и становления. Она фокусирует весь комплекс забот постнеклассической науки, связанных с расширением границ представлений о предмете научного знания. Раздвинув демаркационные «бастии» науки, отделявшей ее от «ненауки», за счет обнаружения внутренней сложности предмета, философия научного знания осознала свою включенность в более широкий контекст существования знания вообще. Внутренняя сложность предмета современной науки возникает на пересечении и при учете многообразия отношений между чувственным и сверхчувственным. Последнее теперь не просто не сверхъестественное, но и, наоборот, претендует быть «истиной» естественного.

«Все представления, составляющие опыт, могут быть причислены к чувственности, за исключением одного, а именно представления о сложном, как таковом»². Предмет современной науки, как это все более получает признание, имеет интенциональную составляющую, поскольку сложность, как замечено Кантом, не может быть воспринята чувствами, и мы сами должны производить ее³. «Научный разум тем самым совершает и радикальный онтологический выбор – непосредственное восприятие мира, обыденный опыт жизнедеятельности в нем, оставаясь общегенетической основой и предпосылкой, перестает быть решающим атрибутом. Объективное становится компетенцией мыслящего рассмотрения»⁴. Эффект *становления объективного* в таком случае совпадает с приданием онтологической самостоятельности субъекту, что не

¹ Работа сделана при финансовой поддержке фонда РГНФ № 99-03-00106.

² Кант И. Собр. соч. М., 1966. Т. 6. С. 198.

³ Там же.

⁴ Толстов А.Б. Философия науки перед онтологическим выбором // Онтологическая проблема и современное методологическое сознание. М., 1990. С. 7.

может не сказаться на характере предметного знания. Предметное знание приобретает характер посредника между субъектным существованием и человеческим существованием в формах бытия мира природы. «Благодаря этим посредникам становится возможной предметная интерпретация смысла и возникновение предикатов, то есть представлений, репрезентаций смысла в предметностях мира»⁵.

Рассмотрение современной философией науки эффектов становления представлений о предмете раздвинуло «горизонт» его «видения». В его «перспективу» попали не только «истории» прошлого и настоящего, но и детерминации будущим. Следующий шаг оказался уже естественным продолжением инерции выбранного движения, что сделало возможным сегодня констатировать следующее. Философия науки в современном ее виде рождается на стыке философии и историко-научных исследований, приобретая статус особой гуманитарной дисциплины со своими, уже традиционными, проблемами. В частности, речь идет о проблемах способа бытия семиотических объектов и соотношении понимания и объяснения⁶.

Другими словами, такой ход событий в современной философии науки поставил ее перед необходимостью выразить свое отношение к фундаментальной парадоксальности, заложенной в любой форме жизнедеятельности человека, человека и мира его представлений. В рамках философии науки этот парадокс представлен, в частности, в формах «критической рациональности», «понимающей рациональности». Эта же проблема воспроизводится, когда мы пытаемся представить изменения, которые происходят с предметом дисциплинарно организованного знания. В рамках развернувшихся дискуссий о его статусе мы вынуждены предположить его существование в пространстве одновременно «уже» и «еще» несуществования. Образуется «зазор», зона движения и порождения нового смысла и значения предмета. Синергетизм периода становления — «бесшовное» соединение неустойчивости и устойчивости в различных их формах (понимания и знания, полагания и вы-

⁵ *Невважай И.Д.* Свобода и знание. Саратов, 1985. С. 153.

⁶ *Розов М.А.* О судьбах эпистемологии и философии науки // Философия. Наука. Цивилизация. М., 1999. С. 38-61.

ражения, средства, метода и результата, некоторой возникшей реальности и тому подобных представлениях методологии и философии науки) — сказывается на характере предмета такого рода деятельности. Он приобретает неустойчивые черты и свойства «смыслообраза» (В.С.Степин), некоей предметности, сочетающие в себе особенности интенциональности и репрезентативизма периода становления предмета.

Заявленная тема книги «В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка)» может показаться несколько витиеватой и претенциозной, учитывая ассоциативную похожесть на название известной книги Марселя Пруста. Вместе с тем оно лишь дает отчет в простейшем экзистенциальном переживании, которое неотлучно сопровождает любые действия познания или понимания. Предмет влечет к себе, захватывая внимание осмысляющего, лишь ускользая от попыток схватывания. В статусе познанного и понятого он утрачивает власть над сознанием человека. Причем и ускользание смысла, и его поиск происходит в одной и той же парадоксальной стихии языка, содержащей в себе условия возможности, как бытия, так и становления.

Чтобы усмирить чрезмерно спекулятивный, не предметный характер рассуждений такого рода, в книге предполагается воспользоваться советом, данным Гадамером. «Единственный, добросовестный способ делать доступными для понимания философские мысли — это подчиниться тому знанию, которое уже заключено в языке, объединяющем всех нас»⁷.

В книге основной акцент, «поворот» рассмотрения языка и его философии определен их взаимоотношениями с новым направлением исследования науки — синергетикой. Синергетика позволяет интерпретировать научное познание и его понимание как самоорганизующийся феномен междисциплинарных коммуникативных практик и посему ориентирующихся на эвристический потенциал языка как такового.

При этом язык не является просто одним из предметов приложения синергетической методологии. Обращение к нему более фундаментально. «Словом «язык» обозначается проблема оснований науки и философии, а не просто эмпирический предмет

⁷ Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 309.

науки наряду с другими (находящимися в мире) предметами, и это никогда не осознавалось столь четко, как в XX столетии»⁸. И в этом смысле «язык» сохраняет роль одной из тех тематических предпосылок, которые обеспечивают понимание происходящего с нами и мира, в котором мы живем⁹.

Напомним достаточно обсужденные в литературе специфические черты синергетического подхода, которые служили нам ориентиром. Они также будут полезны для понимания последующего изложения.

– Если классические наука и философия исходят из онтологического предположения об изначальной упорядоченности бытия, синергетика обращается к идее становления для интерпретации происхождения различных форм порядка из хаоса¹⁰. Тем самым она предлагает средства для осмысления происхождения, генезиса возникновения нового (новых парадигм и т.д.), которые являются традиционно трудными для классического рационализма и для освоения которых он (рационализм) всегда позволяет себе серьезные отступления от собственных канонов.

– Из основополагающей специфики синергетики следует ее вторая столь же фундаментальная черта. Как известно, классическая наука и философия традиционно представляют универсалии (идеи, понятия, представления, смыслы) как существующие объективно (в природе, языке, культуре и т.д.), независимо от опыта познания. Синергетика же их рассматривает не как предшествующие опыту познания «платоновские идеи», а как результат межсубъектной коммуникации. М.Шеллер, Ю.Хабермас и Р.Рорти подобного рода универсалии называ-

⁸ *Апель К.-О.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // *Вопр. философии.* 1997. № 1. С. 76.

⁹ Позволим себе напомнить понимание темы, данное Дж.Холтоном. Анализ творчества ученых (Кеплера, Бора, Эйнштейна и др.) показал, что на определенном этапе научного мышления возникает необходимость существования и использования не проверяемых, не фальсифицируемых понятий. Этот класс понятий, существующий не произвольно, а по соглашению, обозначен им с помощью термина «тема». См.: *Дж.Холтон.* Тематический анализ науки. М., 1981, с. 151.

¹⁰ *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.

ют контингентными¹¹. При этом следует особо подчеркнуть, что синергетика не является альтернативной классическому рационализму, но относится к нему по принципу дополнительности, находясь с ним в постоянном творческом диалоге в синергетическом движении самого языка¹².

– Следующей своеобразной чертой, столь же непосредственно вытекающей из уже отмеченного, является специфическое понимание роли языка в научном познании. Для классического рационализма язык играет роль нейтрального средства, выступающего в качестве «прозрачной среды» научных описаний, которая тем лучше, чем меньше вносит в эти описания субъективных «помех». Синергетика видит в языке активную среду порождения универсалий, учитывая периферию «помех». В этом смысле не вполне корректно утверждать, что субъект использует язык для обнаружения предсуществующих смыслов (универсалий), скорее язык — «самоговорящее бытие человеческого рода»¹³ — участвует в порождении смыслов в процессе философствования и научного познания.

Тем самым жесткая «залоговая» оппозиция «актив-пассив» классики с участием человека и языка (субъект-объект) снимается. Переформулирование классической дилеммы ведет к взвешенному учету как обоюдного динамического влияния друг на друга участников диалога, так и самоопределяющегося становления каждого из них. Это обстоятельство предполагает наличие своеобразной «синергетической рефлексии», когда концептуальный аппарат, претендующий на описание самоорганизующихся процессов, сам является результатом самоорганизации. «Синергетическое движение в языке, претен-

¹¹ Контингенция (от лат. *contingere* — случаться) есть отсутствие необходимости, субстанциональной устойчивости, бытие не через себя, а через иное. См., например: *Шелер М.* Положение человека в космосе // *Шелер М.* Избр. произведения. М., 1994. С. 188-189.

¹² Наука, сталкиваясь с парадоксальностью собственных основоположений, с неизбежностью выходит за рамки строгой рациональности в область нечеткого метафорического языка. Последний не отменяет языка рационализма, но вступает с ним в плодотворный диалог, обеспечивающий возможность к творческому самоизменению. См.: *Порус В.Н.* Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности). М., 1999.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 46, ч. 1. С. 479.

дующее, по сути дела, на открытие доступа к становящемуся бытию, само должно нести в себе элемент становления и соответственно ускользать от четко артикулированных форм»¹⁴. Последнее положение создает определенные трудности для чтения синергетических текстов. Читатель, ориентирующийся на классическую форму изложения научного материала, разворачивающегося как линейная последовательность: от формулировки проблемы через обсуждение аргументов к формулировке выводов, столкнется с трудностью, обнаружив нелинейное движение письма. Однако он должен иметь в виду, что подобные трудности неизбежны. Язык, пытаясь дать простор становлению, сам оказывается во власти этого становления. В результате возникают повторы, семантические сдвиги, метафоры как указывающие путь движения мысли, который отнюдь не всегда заканчивается утверждением общепринятого понятия или представления — все это читатель найдет в книге. Синергетическое движение в языке предполагает, что конструирование с помощью языка в качестве средства необходимых смыслов (универсалий) происходит в самоорганизующейся языковой реальности. Язык прислушивается и приглядывается к доязыковым, телесным практикам, движениям, поворотам в языковой среде, отслеживает события возникновения новых смыслов.

Уважительное отношение к языку дает возможность человеку научиться использовать смыслы, которые «даруются» языком как «вместилищем» культурной памяти и «причаститься» к тайне существования и возникновения смысла.

Хотелось выразить глубокую признательность за помощь при написании этой книги моим коллегам В.И.Аршинову, В.Н.Порусу, Я.И.Свирскому, П.Д.Тищенко, которые высказали много ценных замечаний и советов, что значительно улучшило ее содержание.

Книга является итогом многолетнего размышления, поэтому в нее вошли переработанные ранее опубликованные материалы.

¹⁴ Аршинов В.И., Свирский Я.И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994. С. 36.

ГЛАВА 1. «ПОВОРОТ» ЯЗЫКА КАК СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТНОСТИ

Язык сегодня представляет собой тот философский предмет, где происходит встреча науки и опыта человеческой жизни

Г.-Г.Гадамер

§ 1. Синергетика движения языка

1. Вступление

Взгляд на язык как на самоорганизующийся процесс, как было уже замечено, предполагает наличие своеобразной «синергетической рефлексии», когда концептуальный аппарат, претендующий на описание самоорганизующихся процессов, сам является результатом самоорганизации¹⁵. Следование за процессом самоорганизации сложных систем, к каковым относится язык в целом (и в любой его специализированной части), вводит в рассмотрение ситуации, когда приходится учитывать новые типы детерминаций. Ситуация неопределенности «метит» в поведении сложных систем совпадение (когерентность, соответствие) детерминации «причинными тенями» прошлого и детерминации будущим (причины формообразующие и телеологические (теленормические, по Аристотелю)), указывает место принципиально «несиловых» когерентных взаимодействий¹⁶. В качестве

¹⁵ *Аршинов В.И., Свирский Я.И.* Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994. С. 36.

¹⁶ *Акчурина И.А.* Развитие понятийного аппарата теории самоорганизации // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994. С. 80-96.

одного из претендентов на описание синергетического движения в языке предполагается рассмотреть такой его промежуточный результат (элементарная форма движения, ускользающая от четкой артикуляции), как «поворот» языка.

Ближайшее значение выражения «поворот» языка — это смена направления движения языка от устоявшейся нормы, пересечение границы устойчивости, равновесия, которое переводит язык в режим неопределенности, нестабильности. Вдали от равновесных состояний язык становится особенно активным. Возникают ситуации, когда явным образом включается механизм самоорганизации, самодеятельности языка, когда язык можно заметить в его формотворчестве, которое объединяет форму как содержание и форму как выражение. Соответствие этих форм, как правило, асимметрично и «взвешено» конкретной ситуацией, расставляющей акценты и приоритеты, что, собственно, и обуславливает динамику движения языка¹⁷. Форма в том или ином виде в

¹⁷ Как нам представляется, фундаментальная проблема обоснования научной рациональности, которая возникает только лишь в тех случаях, когда возникает препятствие для его нормального функционирования, является яркой иллюстрацией смены направления синергетики движения языка, ориентация на обновление существующих норм рациональности. В таких случаях, по мнению В.Н.Поруса, возникает нужда «обернуть» рассуждения о рациональности, о ее нормах и основаниях с позиции же рациональности, но только «открытой». Последняя отличается от критикуемой рациональности, рациональности «закрытой» тем, что она способна критически оценить основания концептуальных предпосылок «закрытой» рациональности. Преимущество критически-рефлексивной позиции «открытой» рациональности объясняется тем, что она объявляется «душой и внутренней причиной» «закрытой» рациональности. См.: *Порус В.Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности)*. М., 1999. Ничего не имея против таких определений «открытой» рациональности, хотелось отметить в этой связи, что в качестве такой «открытой» системы, оценивающей и корректирующей локальные сбои и разрывы, возникающие в неравновесной среде языка, является сам же язык, который в принципе не поддается тотальной рационализации.

таком случае ставится под вопрос, синергетика движения языка дает ей реализоваться через вопрос. Вопрос не исчерпывается возможным ответом. Их пересечение всегда частично. Вопрос пытается выпрямить ответ, сделать его более однозначным. У ответа своя логика, не совпадающая с логикой вопроса — иначе, о чем вопрос. Логика несовпадения — это по сути логика метафор, а не дедуктивного вывода, смыслового сдвига, поиска новой формы, а не утверждение устоявшегося. Всякая состоявшаяся форма является ограничением языка. Язык в подобных ситуациях обостренно испытывает свою *актуальную недостаточность*, перепроверя степень своей *потенциальной избыточности, незавершенности*. Диалог внутри языка между ставшим, дискретно выделенным, уже выраженным смыслом в слове и становящимся, как континуально незавершенным, еще невыраженным смыслом образует синергетику движения в языке по всему спектру возможных оппозиций — формальное-содержательное, чувственное-рациональное, обозначающее-обозначаемое и тому подобное. Я вернусь к этому более подробно во второй главе.

Такое представление языковой деятельности напоминает трактовку, данную Соссюром. «Язык и языковая деятельность (*langue et lanagage*) суть одно и то же; одно является обобщением другого. Стремление изучать языковую деятельность, не пытаясь изучать ее различные манифестации, коими, очевидно, и являются языки, — предприятие совершенно тщетное и неосуществимое; с другой стороны, стремление изучать языки, забывая, что прежде всего эти языки управляются определенными принципами, которые обобщены в понятии языковой деятельности, представляют занятие, еще более лишенное всякого серьезного значения, всякой научной базы»¹⁸. Третьим краугольным камнем, лежащим в ос-

¹⁸ Соссюр де Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. С. 37.